

A close-up photograph of pink cherry blossoms, with some flowers in sharp focus and others blurred in the background. The blossoms have five petals and prominent red stamens.

НАШЕ ОРУЖИЕ – СЛОВО

**НАША
ВЕСНА.
ПРОЗА.
ТОМ 1**

ИЗДАНИЕ ГРУППЫ АВТОРОВ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ СЕРГЕЯ
ХОДОСЕВИЧА

Сергей Ходосевич

Наша весна. Проза. Том 1.
Издание группы авторов под
редакцией Сергея Ходосевича

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Наша весна. Проза. Том 1. Издание группы авторов под редакцией
Сергея Ходосевича / С. Ходосевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965787-9

Сборник весенней прозы группы ВК «Наше оружие — слово» представляет
работы своих лучших авторов. Это юморески Марата Валеева, исторические
рассказы Сергея Ходосевича, а также рассказы Зои Ануфриевой, Елены
Анищенко, Галины Пехуровой, Николая Будаева, Нины Яковлевой и Анны
Тимофеевой.

ISBN 978-5-44-965787-9

© Ходосевич С.
© Издательские решения

Содержание

Весенний сборник прозы группы ВК Наше оружие-слово	6
Зоя Ануфриева	7
Жду тебя, всегда	8
Елена Анищенко	9
Гадюки	10
Соседи	12
Только не я!	14
Николай Будаев	15
Почему я не могу не писать?	16
Марат Валеев	17
История одной любви	18
Полкаш	22
Гвоздь	24
«Ата, кара, куян»!	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наша весна. Проза. Том 1
Издание группы авторов под
редакцией Сергея Ходосевича

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-4496-5787-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-5788-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весенний сборник прозы группы ВК Наше оружие-слово

Зоя Ануфриева

<https://vk.com/id142515018>

Жду тебя, всегда

Ты любишь подарки? Я очень люблю.

Вот этот день тоже приготовил подарок и тебе, и мне.

Открой окно. Ветер ласковый, теплый, уютный – чувствуешь? Он обнимает тебя нежным прикосновением и зовёт в хоровод солнечных зайчиков, что прыгают по подоконнику, отражаясь в оконных стеклах, украшая блёстками рамы, переходя на крыши домов, дорожки, тропинки, лестницы... Приветствует и, словно маня за собой, говорит: «добро пожаловать в новый день...»

И ты летишь навстречу светлому дню, обнятая ветром, благословлённая им на новые чудеса. Счастливого дня...

– Жду тебя, всегда твое – чудо...

Елена Анищенко

Нужно что человеку для счастья?

Солнца луч после летней грозы. Утру искренне улыбаться, День пришедший достойно прожить.

Что ещё не хватает для счастья?

<https://vk.com/public176697462>

Гадюки

Я ещё дошкольница

Ласковый летний день. Солнышко пригревает умытую дождем землю. Мы с папой идём в ельник за грибами. Хорошо у дедушки в деревне – перешёл через шоссе, пересёк луг и вот он бор!

В лесу таинственно-мрачно, а непросохший луг под солнечными лучами играет разноцветными искрами. Отец привлекает моё внимание к тому, что я приняла за коровью «лепёшку». Оказывается это две гадюки свернулись рядышком в кольцо. Одна из них серая, а другая коричневая. Они тоже мокрые после дождя, и их шкурки отливают металлом. Как это красиво! Полюбовавшись на неподвижно лежащую парочку отправляемся дальше.

Я уже семиклассница.

Всей семьёй выехали в лес за грибами. Ориентироваться на местности, увы, совершенно не умею. Поэтому волочусь за отцом.

Он подзывает меня к себе, прутиком раздвигает траву, показывая какого-то невероятного зверя. Я большой любитель всего живого, но такого не видела даже в «Юном натуралисте». Длиннющее тоненькое тело заканчивается довольно толстой попкой и раскоряченными коротким лапками. Поддев чудо-юдо хворостинкой, отец вытягивает его из травы целиком. И теперь я вижу, что это небольшая гадючка схватила лягушку и не смогла проглотить из-за достаточно большого её размера. Видимо, под воздействием яда, тело лягушки раздулось и покраснело. Змея стала совершенно беспомощной и «пятая» пыталась скрыться в траве, когда её заметил папа. Посмеявшись над незадачливой охотницей, оставляем её переваривать добычу.

Я взрослая и живу в деревне.

Любимое развлечение моих коз, заметив, что хозяйка забыла об их существовании, рвануть в деревню. Очередной раз бегу по тропинке, не глядя под ноги и высматривая этих вредителей. Слышу позади свистящий звук и шорох. Оборачиваюсь: там, где я только пробежала, виден хвост уползающей с тёплой тропинки гадюки. Как это не наступила на неё?!

Через какое-то время козы опять сваливают в неизвестном направлении, и я снова бегу их искать, вытягивая шею и глядя поверх бурьянов. По той же самой тропинке. И в том же самом месте слышу уже знакомые звуки и, обернувшись, вижу знакомый же хвост.

Когда отправляюсь на поиски третий раз, уже иду осторожно, а то ведь можно и наступить на животное. Но тропинка пуста. Бедная змея, видимо, решила убраться от греха подальше в более спокойное место.

Конец лета. Иду босиком в сад: там под Канвилем много опадышей, надо собрать. Под яблоней лежит гадюка. Неподвижно. Может неживая? Надо проверить. Поднимаю ногу, чтобы потыкать в неё большим пальцем ноги. Мозг вкрадчиво спрашивает: "А может, не надо?" Немножко подумав, соглашаюсь с ним. Нахожу веточку, которой и тыркаю в пресмыкающееся. Зубы змеи моментально смыкаются на ветке. Приподнимаю ветку повыше. Гадюка болтается на ней, не собираясь отпустить. Мозг ехидно комментирует: "Надо всё-таки было ногой проверить.»

Встречи с ужами и гадюками происходят довольно часто. Я очень благодарна отцу за то, что он сумел привить мне любовь ко всему живому. Благодаря ему, я не впадаю в панику при виде змей и даже могу по достоинству оценить их красоту и грацию.

Соседи

Урааа!!!

Мы въехали в новую квартиру! В новой пятиэтажке!

Теперь у меня есть своя собственная комната, и я её обживаю.

В кухне вскрикивает мама – с потолка в углу капает вода. Мама отправляется к соседям выше этажом выяснить, что случилось. Через какое-то время возвращается с девочкой чуть моложе меня и намного мельче. Это наша соседка и моя будущая подруга. Оказывается, мы с ней тёзки, что не удивительно при таком «редком» имени. Ленка совершенно не смущаясь незнакомых людей рассказывает о своей семье. Их, как и нас, пятеро. Причём у неё младшие брат и сестра двойняшки. Здорово как! Я, «дикая» и теряющаяся в обществе незнакомых людей, восхищаюсь непосредственностью новой знакомой и забавляюсь её чуть неправильной речью.

Городок у нас маленький, поэтому с некоторыми соседями были знакомы раньше, а с другими быстро перезнакомились.

Замечательные люди жили в нашем доме!

Был сосед по фамилии Баев. К сожалению, забыла его имя. До войны он работал в цирке и показывал нам, мелюзге, нехитрые фокусы, приводящие нас в дикий восторг.

Дядя Гриша работал на мебельной фабрике и играл на трубе в городском оркестре. Мой брат под его руководством некоторое время «дудел» на этом инструменте. А мне так и не удалось выдать из него ни единой нотки. До сих пор удивляюсь, как у людей это получается!

На одной площадке с нами жили учителя – основатели местного краеведческого музея.

А рядом с нашей квартирой жила семья моей будущей учительницы математики. Спасибо Надежде Осиповне, за то что она привила мне любовь к этому предмету! Знала я математику на ооочень крепкую пятёрку. А если я начинала «бить лынды», соседка заглядывала к нам, чтобы пожаловаться. После этого я сразу прекращала валять дурака.

Было в нашем доме и ещё много замечательных людей.

А сколько тогда в каждом подъезде было детей! Какой визг и топот стояли на лестницах, когда мы заходили за друзьями, а потом неслись по своим крайне важным делам!

А как весело отмечались праздники! В квартирах ставились длинные столы. От соседей перетаскивались стулья, табуретки, посуда, столовые приборы. Ленкин отец приходил с баяном, на котором виртуозно играл. Если в квартире становилось тесно, можно было спуститься во двор и продолжить веселье там. Или вылезти в окно на карниз над магазином, располагавшимся на первом этаже дома.

Время шло. Мы, дети, подрастали и разъезжались на учёбу. Кто-то вернулся, кто-то нет. Старели наши родители. Продавали квартиры и переезжали в другое жильё знакомые.

Теперь я тоже живу в другом месте и почти никого не знаю из жильцов дома. Но каждый раз, заходя в такой родной подъезд, я улыбаюсь, вспоминая своих соседей. Ведь благодаря и им тоже, мои воспоминания пронизаны теплом их сердец и светом тех дней.

Только не я!

– Лен, электрики сняли со столба скворечник, потом повесили, а птенцы на земле остались! – У подружки-тёзки в глазах стоят слёзы, губы трясутся.

Выхожу из дачного домика следом за подругой. Действительно, в траве беспомощно копошатся три голеньких птенца. До чего же они противные!

– Давай, лезь наверх. – Командует Ленка. – А я тебе их подам.

– Не полезу! Я же высоты боюсь! И в руки я такое не возьму! Давай кого-нибудь поищем.

Как назло в дачном посёлке поблизости ни одной живой души. В скворечник по очереди залетают встревоженные родители, крича, ищут детей.

– Лен, не злись! Не могу я их в руки взять – они мерзкие! Мне их жалко! Но не могу! – Оправдываюсь я, понимая, что кроме меня вернуть птенцов в гнездо некому. Подружка моя маленького роста и до скворечника не дотянется, даже если ползет с птенцами.

В конце концов, лезу на лестницу. Ноги трясутся, лестница дрожит вместе с ними. Достигнув верха, принимаю у подруги голые тельца, перекладываю их в гнездо. Всё! Я свободна!

Душа ликует от осознания того, что мы всё-таки спасли малышей! А ещё больше от победы над своими страхами!

Николай Будаев

<https://vk.com/id483422584>

Почему я не могу не писать?

Почему я не могу не писать? Так сразу и не расскажешь...

Сначала я писал ещё в школе заметки в стенную газету. Мне нравилось сочинять и фантазировать, благо в голове всегда вертелись замысловатые фразы и слова, которые я вычитывал из книг. Потом я стал писать что-то от себя, тем самым радуясь такому порыву. Дальше-больше. Мне доверяли выпускать поздравительные открытки по случаю праздников и особых дат. Я старался эти «художества» красиво оформить. Шло время. Мой почерк, очень ровный и грамотно написанный, стал востребован и в СА. Я стал редактором полковой газеты и боевых листков. Командованию нравилось моё умение излагать правдиво всё про воинскую действительность. За что и получил внеочередное звание и отпуск на Родину.

Вот и сейчас я не сижу без дела. Пишу эту заметку, втайне надеясь, что мои способности-нести живое слово, кому-то помогут обрести уверенность в этом непростом деле.

Марат Валеев

<https://vk.com/id229084479>

История одной любви

Эта любовная история в свое время наделала много шума и уже стала, извините за тавтологию, достоянием истории. Нет уже в живых главных ее участников – русского солдата Ивана Бывших и немецкой девушки Элизабет Вальдхельм. Но история их невероятной любви не может оставить равнодушным никого и сегодня.

Ушедший на войну из Красноярска, разведчик и переводчик с немецкого Иван Николаевич Бывших, довоевался до Победы, и в июне 1945 года в звании старшины и в возрасте 21 год неожиданно для себя был назначен комендантом сразу трех расположенных рядом немецких поселений в Тюрингии, в том числе – крохотного городка Хейероде.

Вот здесь-то он и увидел впервые девушку своей мечты. Получив сообщение о том, что вернувшийся из русского плена немецкий солдат Гюнтер Вальдхельм не спешит вставать на учет, комендант в сопровождении автоматчиков отправился по указанному адресу.

Вот как Иван Бывших описывает сам свои чувства тогда: «Я пошёл проверять, поднялся на второй этаж, там в комнате сидели три девушки, одна из них – Лиза. И я сразу в неё влюбился – сразу! Слово не мог вымолвить, начал заикаться. Кое-как сказал, чтобы Гюнтер пришёл в комендатуру, и бросился на улицу».

Гюнтер оказался братом Лизхен – так звали поразившую Ивана девушку, – с ним все было в порядке, он освободился из плена по болезни, и комендант оставил его в покое. Но не его сестру. Поскольку brave молодой старшина и сам глянулся немецкой красавице, они стали встречаться.

Иван Бывших был не одинок в своих романтических устремлениях: только что закончилась самая кровопролитная в истории человечества война, уцелевшие воины были опьянены счастьем сохраненной им судьбой жизни, большинство из них были молоды, еще не познавшие или уже долго не получавших женской ласки, а вокруг было столько соблазнов... В общем, отцы-командиры первое время сквозь пальцы смотрели на интрижки своих подчиненных, если это не мешало службе и не было сопряжено с насилием или грядущей женитьбой.

А Иван, тем более, в некотором роде сам себе был командиром, и мог позволить выделить из своего плотного распорядка время, как и где найти место для свиданий с пленившей его сердце немочкой, и нередко это было в самой комендатуре, а то и под крышей отчего дома Лизхен – родня им не мешала.

Но старшина Бывших был человеком военным, подневольным, и вскоре их полк перевели в другую зону оккупации, в Саксонию. Так влюбленные вынуждены были расстаться, храня все же надежду на новые встречи, и они случились, эти встречи, еще целых четыре раза.

А в 1946 году Ивана демобилизовали и отправили домой, в Россию. Забрать Лизхен с собой он не мог – советским солдатам категорически было запрещено жениться на немках, и она, вся в слезах, провожала своего Ваниляйна (так ласково Лизхен звала любимого на немецкий манер, что звучало бы как Ванечка) вплоть до его посадки в вагон. И напоследок сунула ему в карман записку, наказав прочитать ее только тогда, когда поезд будет уже в дороге. Так Иван узнал, что милая Лизхен уже носит под сердцем его ребенка, которого ей, впрочем, сохранить не удалось.

А затем был долгий эпистолярный роман, влюбленные, не в силах как-то по-другому повлиять на ход своих отношений, часто обменивались письмами. Пока Ивана в 1956 году не вызвали в соответствующие органы в Свердловске – он несколько лет жил и работал там, – и настоятельно не порекомендовали ему бросить эту переписку, иначе...

Иван вынужден был подчиниться. Чтобы не «рубить хвост» по частям, он написал Лизхен, что встретил другую и женился. И правда женился, но этот первый его брак (как, кстати, потом и второй), не подкрепленный истинными чувствами, продержался недолго. Ивана с нелюбимыми женами не могли удержать даже дети – а их у него появилось на свет в общей сложности трое.

Конечно, Ивана Николаевича легче всего осудить за такое непостоянство, но никто же не знал, что у него творилось в душе все эти годы? А его, между прочим, с годами стали понимать и собственные дети, проведавшие о несчастной любви отца и не только не мешавшие, но и помогавшие затем его воссоединению с любимой женщиной.

Смирившаяся с утратой, Лизхен к тому времени тоже вышла замуж и переехала жить в Люксембург. Жила в тихом, спокойном, нельзя сказать, что в счастливом, но в таком... умиротворяющем браке. В общем, жила как все, работала акушеркой. И пыталась забыть о русском сердешном друге Ваниляйне, хотя это у нее не получалось.

Позже она признавалась, что дня, часа не было, чтобы она не думала о нем. К сожалению, у нее не было детей, чтобы отвлечь все свои нерастраченные чувства на них.

Иван между тем пытался восстановить контакты с Лизхен, которая не уходила из его сердца все эти годы, но письма его по старому адресу, где они познакомились и любили, оставались без ответа – по той простой причине, что там, в Хейероде, ему уже просто некому было ответить.

К счастью, Иван Петрович был не из той породы русских мужиков, которые, оставаясь в одиночестве, «завивают горе веревочкой», то есть пускаются во все тяжкие. Оставаясь холостяком, он развил в Красноярске активную общественную деятельность как ветеран войны, писал много воспоминаний и публиковался, и его печатное слово находило своего читателя не только через газеты, но и книги. Так на свет появилась книга о его первой и единственной любви «Ваниляйн и Лизхен» (а всего Иван Бывших за свою послевоенную жизнь написал и издал два десятка книг).

Эта документальная повесть была тепло встречена читателями, а несколько работающих с Иваном Бывших в Красноярском историко-родословном обществе и сочувствующих ему женщин решили попытаться разыскать Лизхен. И ведь это им удалось! Подключив все имевшиеся у них связи и возможности, они выяснили, Лизхен живет в Люксембурге, дозвонились до нее и спросили, помнит ли она Ивана Бывших, рассказали о нем.

И этот установленный контакт имел решающее значение. Иван и Лизхен вновь, пока заочно, обрели друг друга, и тлевшие в них все эти года чувства вспыхнули с новой силой. Они часами могли говорить друг с другом по телефону и, в конце концов, договорились, что Лизхен едет в Сибирь, к своему Ваниляйну! Она прилетела в Красноярск весной 2005 года. Каждому из них было уже больше 80 лет, но более счастливых людей в тот исторический день в порту Красноярска не было. Они снова были вместе, и счастье переполняло их сердца.

Лизхен погостила в городе на Енисее девять дней. Иван Николаевич показал своей возлюбленной самые примечательные места Красноярска, и Лизхен уже любила этот красивый город на могучей реке только потому, что здесь жил ее Ваниляйн. И собиравшая жить она – влюбленные решили вернуть себе свой же долг и сочетаться браком!

Но для этого Лизхен надо было развестись с законным, но нелюбимым мужем, который не очень этого хотел. Ей пришлось добиваться этого целых два года, которые она провела между Красноярском и Люксембургом.

Наконец, все формальности были завершены, и Лизхен вновь вылетела в Сибирь, на этот раз уже окончательно. В 2007 году «молодые» (хотя зачем я поставил кавычки – они же в душе действительно оставались молодыми!) узаконили свои отношения в одном из красноярских ЗАГСов и, наконец, стали мужем и женой.

Об этой необычной свадьбе тогда писали все красноярские, и не только, средства массовой информации, ей были посвящены телевизионные и радио-передачи. Бывший тогда губернатором Красноярского края Александр Хлопонин выделил молодым двухкомнатную

квартиру (жилище бывшего холостяка Ивана было бы тесноватым для вновь образованной семейной пары), кстати, в том же микрорайоне, где сейчас живет и автор этих строк.

И стали молодые жить да поживать, друг к другу вновь привыкать. Лизхен научилась варить борщ и не любила, когда Иван Николаевич по утрам покидал ее для своих регулярных длительных прогулок: ей казалось, что однажды он возьмет и не вернется. Она же не настолько себя хорошо чувствовала, чтобы совершать часовые походы по городу натошак, да еще в любую погоду.

Им было хорошо вдвоем. Они ходили по театрам, музеям, принимали дома гостей (чаще всего их навещали любопытные журналисты), сами навещали кого-нибудь. Лизхен понемногу осваивала русский язык, и они продолжали любить друг друга, наверное, даже еще с большей – если не пылкостью, то нежностью, – наверстывая упущенное за многие годы.

Мне бы очень хотелось закончить этот свой небольшой рассказ традиционными для такого случая словами: и жили они долго и счастливо. Но увы, как вы сами понимаете, жить Иван и Лизхен долго не могли. Сначала в конце 2009 заболела Лизхен – что-то не так было с пальцем ноги. Красноярские врачи после обследования предложили ей операцию – ампутацию ноги до колена. Но какая женщина на это согласится, тем более только что обретшая свое счастье?

И Лизхен приняла решение продолжить лечение в Германии. Немецкие врачи вроде бы все сделали правильно, и Лизхен, с которой Иван часто созванивался, была бодра и даже шутила. Но потом вдруг перестала отвечать на звонки...

Иван Николаевич не смог (или не захотел?) побывать на могиле своей любимой в городке Хейероде, где у них все и начиналось. За него это сделал его сын, побывавший здесь проездом. После него на месте последнего упокоения Лизхен остался красивый венок с надписью: «Mit Liebe dein Ehemann Wanja»...

Их счастье длилось недолго – всего два с половиной года, но в них вместились столько, сколько иному человеку не прочувствовать и испытать за целую жизнь. Спустя недолгое время и сам Иван Николаевич, на 89 году жизни, последовал за своей любимой. И кто знает, может, их счастье продолжается там, на небесах?..

Полкаш

Ольга Петровна Громыхайло вела мужа домой с вечеринки. Вернее будет сказать, подгоняла его пинками. Потому как Егор Иванович настолько нажрался, что не мог держаться на ногах, а полз на четвереньках.

Конечно, будь он поменьше, его можно было бы унести на плечах. Но в Егоре Ивановиче веса было не меньше восьмидесяти килограммов. А с учетом выпитого и съеденного – и весь центнер.

Другой вариант – можно было увезти его на такси. Но идти-то до дома было всего ничего – квартал. Если бы Громыхайло шли по тротуару, были бы дома минут через двадцать. Так обычно и бывало. Но нынче Егор Иванович как встал на четыре кости, так и не хотел менять положения. Постарел, видать, раз ноги его перестали держать.

Ольга Петровна на этот раз серьезно устыдилась состояния мужа, и они пробирались домой дворами и подворотнями.

Егор брел в сторону дома уверенно, хотя время от времени и норовил улечься поспать. Но, получив направляющий пинок, полз, поскуливая, дальше.

На улице был уже поздний вечер, прохожих было немного, и Ольга Петровна надеялась проскочить в свой подъезд незамеченной. Но на их пути прогуливал своего мопса их сосед, пенсионер Исидор Львович Панышев.

И он обратил внимание на забредшего в это время в лужу Егора Ивановича который этой луже явно обрадовался и стал хлебать из нее мутную воду.

– Никак, Оленька, и ты песика решила завести? – сказал пенсионер, подслеповато щурясь и разглядывая утоляющего жажду Громышайло. – Да какой здоровенный! Что за порода?

– Не видите, что ли: этот, как его, водолаз! – с досадой ответила Ольга Петровна, стараясь дотянуться концом зонта до толстого мокрого зада непутевого супруга.

– А по морде не скажешь! По морде ваш пес – вылитый боксер, – сообщил Ольге Петровне пенсионер. – Погодите, да он у вас и в костюмчике!

– Я же говорю: водолаз! В гидрокостюме. С реки возвращаемся, ныряли. Шлем вот только потеряли! Ну, ты, алкаш, где твоя кепка? Да вылезешь ты из лужи или нет, горе ты мое!

– Как его зовут? Полкаш? – переспросил не только подслеповатый, но, по всему, и глуховатый сосед.

– Ну да, Полкаш! А ну, Полкаш, пошел вперед! Мало тебе реки, так ты еще и лужу прихватил. Ну, пошел, пошел! Дома сейчас напущу ванную, можешь хоть всю ночь в ней плавать!

Ольга Петровна, наконец, изловчилась и пребольно ткнула Егора Ивановича зонтом. Тот взвизгнул и в два прыжка выскочил на сушу.

– Так он у вас еще и бесхвостый! – поразился Исидор Львович. – От рождения такой, или купировали?

– Это я ему нечаянно открутила, когда сегодня от этой су... от шуки оттаскивала. Не люблю я щук. Еле этого Полкана от нее оттащила. Хвост вот, правда, в руке у меня остался. А надо было кое-что другое оторвать! В следующий раз так и сделаю. Ну, Полкаш, вперед! Домой, кобелина!

Егор рыкнул на взвизгнувшего от ужаса мопса и пополз в подъезд, оставляя за собой длинный мокрый след.

– Ну, ладно, пошли мы, Исидор Львович, – встрепенулась Ольга Петровна. – Спокойной вам ночи!

– И вам того же! – охотно откликнулся пенсионер. И добавил с хитрой ухмылкой:

– Только ты уж, пожалуйста, Олюшка, проследи, чтобы твой Полкан Иванович не спал на спине. Уж больно храпит этот водолаз после водных процедур!..

Гвоздь

– Ну что ты за мужик? – периодически допекала Хотькина его жена Варвара. – Хоть бы гвоздь, что ли, вбил в доме.

Не выдержал Хотькин, раздобыл где-то гвоздь и здоровенный такой молоток, его ещё кувалдой называют.

– Куда? – спросил он у Варвары.

– Чего – куда?

– Куда гвоздь вбить?

– Ну, наверное, вот сюда, – неуверенно показала жена. – Я хоть портрет мамы повешу.

– Договорились, – кивнул Хотькин.

Он поплевал на ладони, одной рукой приставил гвоздище к стенке, другой размахнулся да как даст кувалдой! Только пыль пошла. А когда она рассеялась, открылась большая дыра в соседскую квартиру. Хотькин заглянул, а там разгуливает симпатичная такая особа. Соседку звали Татьяна Витальевна.

«Вот бы кому гвоздик забить!» – заботливо и нежно подумал Хотькин.

– Это вы, Юрий? – приветливо спросила Татьяна Витальевна. – Заходите, не стойте на пороге.

Хотькин протиснулся в соседскую квартиру.

– О, да вы с инструментом! – нежно проворковала Татьяна Витальевна. – Какой хозяйственный мужчина.

– Да я это, гвоздь вот решил забить.

– Может, вы и мне гвоздик забьёте? – томно попросила соседка.

– Да он у меня погнулся, зараза, – сокрушённо вздохнул Хотькин.

– Где, покажите? – попросила она. И так нежно и ласково провела своим холёным пальчиком по кривому гвоздю, что тот дрогнул, натужился и... выпрямился.

– А ну марш домой! – рявкнула протиснувшаяся вслед за мужем Варвара.

– А кто же мне дыру в стене заделает? – разочарованно спросила Татьяна Витальевна.

– Сама замуруешь, зараза! – отрезала Варвара, увлакивая Хотькина в квартиру. – А ты, мастер, сиди перед телевизором, и никаких гвоздей!

«Ата, кара, куян»!

Мне четыре года, мы только-только обосновались в Пятерыжске, русском селе в Казахстане, после переезда из Татарстана. Отец работал в колхозной кузнице. Я любил ходить в это приземистое и прохладное в летнюю жару глинобитное помещение. Там шипели меха, гудело горнило, из которого вырывались оранжевые язычки огня; солидно бухал по наковальне молот в жилистых отцовских руках, расплющивая раскаленный добела кусок металла, и от него летели звезды-искры.

Помню, когда в первый раз зашел в темный коридорчик, где хранится всякий железный хлам, увидел там пушистого кролика и закричал радостно:

– Ата, кара – куян!

Ну, то есть: «Папа, смотри – заяц!» Я в свои четыре года по-русски тогда почти не говорил. Помню, как заржал кузнец, чумазый лохматый мужичок: «Какой еще х... ян!» Отец тоже хохотал.

Но уже меньше чем через год я владел русским наравне с родным, татарским. Однако с годами этот паритет был нарушен, так как я водился со сверстниками, говорящими только на русском, пошел в русскую школу, и русский язык постепенно вытеснял из сознания язык предков.

И даже родители, говорящие между собой на татарском, со мной и другими своими детьми, выросшими в Пятерыжске, уже изъяснялись в основном по-русски. Ну, а если человек не только говорит, но и мыслит на языке общения, он для него становится практически родным.

Я ничуть не жалею, что русский язык стал для меня таковым. Более того, именно отличное его знание и позволило мне стать журналистом, а затем, позволю себе это сказать, и профессиональным литератором.

И все же корю себя, что язык своего народа я основательно подзабыл и уже не могу свободно изъясняться с соплеменниками. А это плохо не просто с позиций так называемого «квасного патриотизма», а чисто из утилитарных соображений.

Татарский язык относится к группе тюркских, и если бы я знал и его в совершенстве, то мог бы в случае необходимости изъясняться и с башкирами, и казахами, и с киргизами, азербайджанцами. Между прочим, мама моя, в детстве несколько лет прожившая в окрестностях Баку (ее семья сбежала туда из-за голода в Поволжье в 30-х годах), знала азербайджанский язык очень хорошо.

А вот забытый мною более чем наполовину татарский язык тем не менее помог мне изъясняться с турком-официантом на турецкой половине Кипра. Мы оба не знали английский, но общий язык все же нашли!

Знание языков – это всегда хорошо, это удобно и полезно. Поэтому, друзья мои, если вы являетесь, кроме русского, носителем и какого-либо иного национального языка, прилагайте усилия к тому, чтобы не только самому не забыть его, но и по возможности передать своим детям. Всегда пригодится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.